

Британский взгляд на роль Польши в Европе в контексте Женевской конференции 1932 года

Дубровко Е.Н.

Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», Гомель

Цель статьи – выявить и охарактеризовать оценки, которые представители британского политического истеблишмента давали роли Польши в международных отношениях в контексте обсуждения вопросов о сокращении вооружений в 1932 году.

Материал и методы. Статья подготовлена на базе документальных и повествовательных источников, основные из них – материалы делопроизводства Кабинета министров, Форин оффис, Женевской конференции за 1932 г. В ходе работы применялись специальные исторические методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Британские дипломаты основную задачу на конференции видели в предотвращении обострения франко-германских противоречий. При ее решении учитывались проблемы, происходившие из международно-го положения союзной Франции Польши, в частности, германо-польские противоречия. Британские дипломаты не исключали возможное в будущем силовое разрешение этих противоречий со стороны Германии. Военные круги указывали, что потенциал Польши достаточен для обороны при текущем соотношении вооруженных сил. Уступки Германии, направленные на достижение основной задачи, допускали увеличение роста рисков потенциальной угрозы для территории Польши в будущем.

Заключение. В ходе переговоров на Женевской конференции в 1932 году, с точки зрения британских дипломатов, Польша выступала в роли фактора, затруднявшего переговорный процесс, что вынуждало их к поиску формулы для недопущения срыва переговоров, в том числе способствующей росту риска потенциальной угрозы для Польши в будущем.

Ключевые слова: Женевская конференция 1932–1934 гг., Великобритания, Польша, международные отношения.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 7–12)

The British View of Poland's Role in Europe in the Context of the 1932 Geneva Conference

Dubrovko E.N.

Education Establishment "Francisk Skorina Gomel State University", Gomel

The purpose of the article is to identify and characterize the assessments that representatives of the British political establishment gave of Poland's role in international relations in the context of the discussion of arms reduction in 1932.

Material and methods. The article was prepared on the basis of documentary and narrative sources, the main of which are the materials of the Cabinet of Ministers, the Foreign Office, and the 1932 Geneva Conference. In the course of the work, special historical research methods were used: historical-genetic, historical-comparative and historical-systemic.

Findings and their discussion. British diplomats saw the main task at the Conference as preventing the aggravation of Franco-German contradictions. Its solution took into account the problems arising from the international situation of the French-allied Poland, in particular, the German-Polish contradictions. British diplomats did not rule out a possible future forceful resolution of these contradictions on the part of Germany. Military circles pointed out that Poland's potential was sufficient for defense with the current ratio of armed forces. Germany's concessions which aimed at achieving the main objective allowed for an increase in the growth of risks of a potential threat to the territory of Poland in the future.

Conclusion. During the negotiations at the Geneva Conference of 1932, from the point of view of British diplomats, Poland acted as a factor complicating the negotiation process, which forced them to find a formula to prevent the breakdown of negotiations, including allowing an increase in the risk of a potential threat to Poland in the future.

Key words: Geneva Conference of 1932–1934, Great Britain, Poland, international relations.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 7–12)

Первая половина 1930-х годов характеризовалась интенсивностью появления проектов, направленных на обеспечение мирной эволюции международных отношений. К их числу можно отнести «пакт четырех», советско-французское сближение, Восточный пакт, проведение конференции по сокращению и ограничению вооружений, которая начала работу в Женеве в феврале 1932 года. Названные проекты не смогли лечь в основу системы коллективной безопасности, которая бы успешно справилась с вызовами середины 1930-х годов.

Историки неоднократно обращались к осмыслению сути этой системы и причин того, почему складывавшаяся модель коллективной безопасности не удалось адаптировать к радикальному изменению внешних условий. При всём многообразии оценок выявляется, что в качестве ядра этой системы находился «концерт» держав. Решающее значение играли голоса политических элит нескольких стран, в частности, Великобритании [1]. В этой связи представляет несомненный интерес анализ и осмысление позиции британских политиков в ходе попыток формирования системы коллективной безопасности в начале 1930-х годов. В современной русскоязычной историографии больше внимания уделяется ситуации предвоенных лет, проблеме политики «умиротворения». При этом нередко присутствует острая обвинительная риторика, присущая советской историографии [2]. В современной английской исторической науке сохраняется интерес к анализу попыток обеспечения безопасности и разоружения в международных отношениях в начале 1930-х годов, а также позиции Великобритании. При этом появляются достаточно критичные оценки: Великобритания старалась возлагать ответственность за провал международных соглашений на других, мало делала для того, чтобы убрать основное противоречие межвоенного времени – германо-французское [3]. Ряд современных историков очевидно указывают на обструкционистскую политику, проводимую Великобританией [4]. Объяснение такой позиции традиционно для британской историографии связывается с тем, что для британских кабинетов доминантой была озабоченность поддержанием существующей имперской безопасности, выходящей за рамки идеи европейской безопасности [5].

При значительной разработанности в историографии вопроса о позиции Великобритании по проблеме обеспечения безопасности в Европе в первой половине 1930-х годов приходится констатировать, что не все ее аспекты нашли достаточное отражение в исследованиях историков. Традиционно акцентируется внимание на отношениях Великобритании с основными акторами – Германией, Францией, СССР. Цель представленной статьи – выявить и охарактеризовать оценки, которые представители британского политического истеблишмента давали роли Польши в международных отношениях в контексте обсуждения вопросов о сокращении вооружений в 1932 году,

то есть в ходе первой фазы работы Женевской конференции по сокращению и ограничению вооружений. Реализация заявленной цели призвана способствовать более глубокому пониманию ситуации, сложившейся в международных отношениях в центрально-восточноевропейском регионе в указанное время, адекватной оценке процессов, происходивших на территории компактного проживания белорусского народа.

Исходя из заявленной цели, необходимо дополнить обзор историографии, обратившись к наработкам польских исследователей. В их работах закрепился тезис, что 1930–1932 годы были «переломными» в польско-британских отношениях, после которых 1933–1934 годы ознаменованы началом их интенсификации [6, s. 314–317]. При этом даже в исследованиях 2010-х годов акцент сделан на отношениях Великобритании с Германией, игравшей первую роль в Европе для английского национального правительства [7]. Заявленная в этой статье цель исследования не нашла реализации в известных нам научных работах.

Материал и методы. Источниковая база исследования включает письменные документальные и повествовательные источники. Первый блок – это материалы делопроизводства Кабинета министров Великобритании (протоколы, меморандумы), документы Женевской конференции по разоружению, материалы делопроизводства Форин оффис. Это как архивные документы, преимущественно из оцифрованных фондов Национального архива Великобритании, так и опубликованные материалы. Второй блок включает воспоминания главы отдела военного министерства в британской делегации на конференции по разоружению А. Темперли, воспоминания советского посла в Лондоне И. Майского.

При проведении исследования автор стремился исходить из базовых принципов объективности и историзма. В ходе работы применялись специальные исторические методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. В начале 1930-х годов крупной международной площадкой для обсуждения вопросов обеспечения безопасности и разоружения стала международная конференция в Женеве по сокращению и ограничению вооружений, которая начала свою работу в феврале 1932 года. Подготовка к проведению этой конференции шла долго – подготовительная комиссия приступила к работе вскоре после Локарнской конференции в мае 1926 года, а закончила свою работу лишь в декабре 1930 года [7, s. 43].

Организация конференции стимулировала внешнеполитическое ведомство Великобритании к очередному раунду аналитической работы. Накануне визита 9 декабря 1931 года польской делегации в Лондон с целью изложить свою концепцию готовящейся конференции в Форин оффис были подготовлены два меморандума: по вопросу Гданьска и польско-германских отношений. Первый проводил мысль о том,

что Гданьск стремится в большей мере восстановить связь с Германией, второй рассматривал варианты улучшения польско-германских отношений либо посредством подписания восточного Локарно, либо посредством политического договора. Оговаривались варианты отказа Польши от права на часть территорий взамен на гарантию безопасности остальных, представления дополнительных гарантий Франции, чтобы союз с Польшей был не нужен, а на Польшу легче было оказывать давление. Указаны факторы, влиявшие на позицию Великобритании по вопросу германо-польских отношений: избегание перерастания конфликта за пределы локального, неприятие общественным мнением обязательств в отношении той части мира, где у Великобритании нет непосредственных интересов [6, с. 295–298]. Содержание этих документов не озвучивалось на встрече с польскими дипломатами, но в ходе нее глава Форин оффис Дж. Саймон поинтересовался, готова ли Польша для обеспечения условий для разоружения пойти на территориальные уступки. Глава польского МИД А. Залеский такой вариант исключил. В итоге в Форин оффис оформилось мнение, что в польско-советских отношениях существует возможность улучшения, подписания договора о ненападении, но не видно возможностей улучшения отношений с Германией [6, с. 302–303].

В качестве попытки дать оценку ситуации в Европе и помочь сформулировать декларативный документ о целях Великобритании в международных отношениях **1 января 1932 года** появился секретный меморандум. Он был подготовлен по просьбе главы Форин оффис дипломатом Р. Ванситтартом, занимавшим пост его постоянного заместителя. В рамках общей оценки ситуации в Европе британский дипломат обозначил место Польши. С одной стороны, связанные с польским государством проблемы британский дипломат называл в ряду острых политических проблем в Европе: «С политической точки зрения есть острые проблемы Силезии, Польского коридора, России и пограничных государств, Бессарабии, Вильно, Трансильвании, габсбургский вопрос <...> Истина заключается в том, что реальное разоружение вряд ли достижимо без морального разоружения, что означает пересмотр договора. Последняя форма разоружения сделала бы первую гораздо менее неотложной» [8, р. 88]. Второе, что обращает на себя внимание, Польша традиционно рассматривалась как французский сателлит, на которого Франция рассчитывала: «Ненасытный французский аппетит к “безопасности”, возможно, не будет удовлетворен. Она по-прежнему будет думать главным образом о поляках, во вторую очередь о югославах и чехах и, возможно, “немного, много и совсем не” о бедных и дряхлых румынах» [8, р. 91–92]. Правда, наличие этого сателлита, как и остальных, рассматривалось как недостаточное с точки зрения Франции для обеспечения её безопасности, потому делался вывод, что «с одной стороны, Франция все еще рассчитывает на нас (Великобританию. – *Е.Д.*), хотя и в более отда-

ленном смысле; она упорно и глупо ссорилась с двумя из трех наиболее “плодовитых” европейских стран, Германией и Италией, и часто с третьей, Россией, которую она подозревает в том, что та “точит зуб” на пару ее сателлитов, Польшу и Румынию. Она бы очень неохотно рассматривала постепенное охлаждение нашего отношения к Европе, под которым она понимает себя, поскольку это, в конечном счете, оставило бы ее наедине с этими более плодовитыми матерями детей» [8, р. 93]. В своих рекомендациях по вопросу о том, какую позицию должна занять Великобритания на конференции в Женеве, автор меморандума исходил из того, что Лондон не мог «поддержать подталкивание Германии в объятия России» [8, р. 88]. В качестве основной задачи момента предлагалось решить, «как при наименьших усилиях поддерживать результат временных и частичных решений. Это важно не только для внешней, но и для внутренней политики. На конференции по разоружению должно быть сделано все, чтобы предотвратить вспышки противоречий между Францией и Германией. Общественное мнение и Доминионы больше склонны к поддержке позиции Германии» [8, р. 88–94].

С указанными рекомендациями британская делегация прибыла на конференцию, первое заседание которой прошло 2 февраля 1932 года под председательством бывшего главы Форин оффис А. Гендерсона. Это было начало первой сессии, которая завершится 23 июля того же года. По свидетельству советского военного атташе, работа шла медленно и «непродуктивно», заседания проходили лишь с 10.00 до 13.00. «Остальное время используется для реализации интересов отдельных делегаций» [9, л. 28–31]. 9–23 февраля происходили общие выступления делегаций и вносились предложения, 24 февраля Конференция направила Общей комиссии все предложения делегаций, после чего до 23 июля пленарных заседаний не было. 5 февраля были озвучены предложения французской делегации т.н. «план Тардьё» [10, с. 42–47]. Франция делала акцент на проблеме безопасности, создании армии Лиги Наций. Без таких гарантий она соглашалась лишь на ограничение вооружений, исходя из потребностей каждого государства. Этих положений придерживалась и Польша, она также лоббировала идею «морального разоружения», одноименный меморандум польские дипломаты передали приглашенным на конференцию правительствам ещё в сентябре 1931 года через секретариат Лиги Наций [10, с. 32–33; 11, р. 66–68, 117–119]. А. Темперли в своей работе охарактеризовал эту ситуацию как наличие «французской группы»: «Малая Антанта и Бельгия поддерживали очень тесные отношения с Францией. Польша была гораздо более независимой, но в важных случаях можно было положиться на то, что она подчинится взмаху французского кнута» [12, р. 186].

В период этой сессии, следуя установке «предотвратить вспышки противоречий между Францией и Германией», британские политики пытались

выступать с компромиссными предложениями [10, с. 63–64]. В поисках приемлемых для противостоящих сторон формул одним из препятствий была Польша. Проблемы, проистекавшие из ее международного положения, постоянно приходилось учитывать при разработке проектов урегулирования. Например, 31 марта Дж. Саймон, выражая свое видение принципов соглашения в меморандуме, подготовленном для Кабинета, вынужден был искать ответ на идею Франции о невозможности дальнейшего разоружения без далеко идущих мер по обеспечению безопасности. В частности, разрабатывалась реакция на утверждения Парижа, что границы некоторых государств в Европе, например, Польши, небезопасны, что единственная форма гарантии безопасности – это заключение всеобъемлющего договора. Стремясь ответить на этот тезис и при этом избежать нежелательных обязательств, он сформулировал принцип невозможности «принять концепцию сверхдержавы, обычной функцией которой является выполнение функций международного полицейского». Взамен предлагался принцип «региональных гарантий между государствами на Европейском континенте» [13, р. 203]. Параллельно велась работа с немецкой стороной, в ходе которой также поднималась польская тема. В частности, посол в Берлине Г. Рамбольд 6 июня сообщал в Форин оффис о беседе с немецким дипломатом по вопросу о возможном вкладе Германии в систему безопасности: когда на вопрос, что Германия могла бы внести со своей стороны, министр иностранных дел Германии фон Нейрат сразу поднял вопрос о польском коридоре. Он подчеркнул, что «при нынешнем положении вещей политика Германии не направлена на обеспечение изменений, но, с другой стороны, совершенно невозможно, чтобы Германия рассматривала возможность сохранения существующей ситуации вечно». В ответ была предложена концепция договоренности на несколько лет, в течение которых между европейскими государствами будет заключено соглашение не проводить политику, рассчитанную на то, чтобы поднимать спорные политические вопросы [14, р. 283–284].

Выработать согласованную схему ограничения вооружений до лета 1932 года не удалось. 22 июля была озвучена Декларация о неучастии Германии в дальнейших работах конференции [10, с. 96–97]. Это означало фактическое окончание первой сессии. 23 июля была принята резолюция, отложившая очередную сессию конференции и оставившая в работе только ее бюро и комиссии [11, р. 268–271].

Уже через три дня правительство Германии заявило о присоединении к «пакту доверия», подписанному между Великобританией и Францией еще 13 июля и содержавшему заявление о намерении «работать друг с другом, а также с другими делегациями в Женеве для такого разрешения проблемы разоружения, которое было бы справедливым и выгодным для всех заинтересованных держав» [10, с. 30.]. Этот дипломатический шаг, а также успешный для Германии ход Лозаннской

конференции, повлекший снижение репарационных выплат, подтолкнули Польшу, стремившуюся к усилению своей позиции в международных отношениях, к подписанию 25 июля 1932 года известного пакта о ненападении с СССР. Данный шаг польского правительства не мог не получить оценку британских дипломатов. Как отметила польская исследователь М. Новак-Келбикова, факт польско-советского договора был принят без опасений, но и без энтузиазма. Он рассматривался как один из многих договоров, подписанных СССР с пограничными государствами [6, s. 313]. На это настраивала информация от британских представителей из Варшавы и Москвы. 28 июля британский представитель из Варшавы сообщал, что польское правительство надеется, что пакт поспособствует улучшению отношений Польши прежде всего с ее западными соседями [15, р. 240]. Британский представитель в Москве информировал, что на текущий момент СССР занят урегулированием отношений со всеми государствами, с которыми в недавнем прошлом у него были реальные или потенциальные разногласия, Польша лишь одна среди них [15, р. 246–247]. Очевидно, никакого ажиотажа и переоценки положения Польши этот дипломатический шаг не вызвал, он рассматривался как ее дипломатический маневр в отношениях с западноевропейскими государствами.

Гораздо больше внимание британских дипломатов привлекали действия Германии, которые становились все более решительными в деле отстаивания своей позиции, о чем свидетельствовал появившийся 29 августа германский меморандум о равноправии в вооружениях, врученный французскому послу в Женеве [10, с. 102–105]. Как результат, в подготовленном 29 сентября главой Форин оффис по запросу премьер-министра обзоре европейской ситуации большое внимание уделено именно теме Германии. В связи с ее осмыслением получил освещение и вопрос, касающийся Польши: «Польская граница (карта которой, как нам говорят, часто висит в комнате молодого немца, чтобы напомнить ему о ране в боку Германии), очевидно, является следующим элементом, который необходимо рассмотреть <...> нет никакой надежды на решение путем соглашения между Германией и Польшей или с помощью какого-либо простого логического решения. Поэтому, если планируется исправление этой ситуации, это будет силовое решение. Каковы признаки того, что Германия думает в этом направлении? Они приняли план, согласно которому немецкая молодежь должна пройти период физической подготовки под руководством военных. Хотя это делается во имя спорта, на самом деле это обеспечивает не только сырье для армейской подготовки, но и, вполне возможно, позволяет провести предварительную регистрацию» [16, р. 172]. Этот тревожный итог анализа подталкивал к поиску такого механизма продолжения переговоров о разоружении и безопасности, который с точки зрения Великобритании позволил бы обойти препятствия вроде вопроса о польско-германской границе.

В октябре 1932 года в Кабинете обсуждался вопрос о ходе конференции о разоружении, возможности возврата на нее Германии. Было принято решение, что, если Польша и Чехословакия займут «обструктивную позицию», желательно ограничить Конференцию, по возможности, Соединенным Королевством, Францией, Германией, Италией и Соединенными Штатами Америки. При этом премьер-министру и государственному секретарю по иностранным делам предоставлялась свобода действий в отношении возможного допуска других стран, таких как Польша и Чехословакия, «если на них будут сильно давить» [17, р. 243–244]. Таким образом, формулировался принцип принятия решений не с использованием площадки представительной международной конференции, а посредством переговоров между несколькими крупными государствами с обязательным присутствием Германии. Для его обеспечения, как показывает следующий цитируемый документ, британская дипломатия готова была на определенное пренебрежение позицией союзной Франции Польши. Глава Форин оффис 17 октября заявил Кабинету о «кризисе политики разоружения», который нес угрозу и международным делам, и внутриполитической ситуации. Он признавал, что правительство Германии нацелено на укрепление своей военной силы с целью решения вопроса о польской границе. Однако он придерживался позиции, что, если требование Германии будет быстро и публично удовлетворено, общественное мнение за пределами Германии будет настроено против ее перевооружения, и силы внутри Германии, которые настроены миролюбиво, будут иметь больший вес. «Более того, если Германия не будет возвращена на Конференцию по разоружению и соглашение не будет достигнуто в Женеве, нет ни малейшей перспективы какого-либо серьезного сокращения вооружений со стороны соседей Германии. Конференция, которая началась с того, что была нацелена на всеобщее разоружение, закончится увеличением вооружений и вероятностью возобновления войны» [16, р. 355]. То есть потенциальными рисками для Польши, по оценке главы Форин оффис, было допустимо пренебречь в пользу идеи общего мира и внутриполитической стабильности.

В то же время проводился анализ текущих рисков со стороны военного ведомства. Свою оценку положения в мире его представители – глава имперского генерального штаба и глава военного ведомства – дали в меморандуме от 28 октября. Авторы его пришли к выводу, что на текущий момент Франция с легкостью разобьет Германию со 100-тысячной армией. Что касается Польши, то ее роль в ситуации потенциального франко-германского конфликта – наблюдение за Советской Россией. При этом последняя не готова к наступательным действиям, занимается кризисом пятилетнего плана, а ее армия преимущественно из крестьян лояльна к правительству, но может быть эффективна лишь на своей территории. Даже в случае советского наступления Польша сможет

оказать сопротивление, имея армию хорошего качества, соглашение с Румынией о совместных действиях и соглашение с Францией. Указывалось, что французских призывников вряд ли удастся склонить к участию в боевых действиях в Восточной Европе, но некоторая военная помощь и достаточные поставки военного снаряжения будут получены. Сама Польша, по оценке авторов меморандума, не стала бы искать никаких военных авантюр далеко за пределами своих границ. Вмешательство Германии в советско-польскую войну представлено как маловероятное. Война между Польшей и Германией, в которой Россия не принимает участия, по мнению авторов, должна закончиться потерей Восточной Пруссии и военным поражением Германии. Подводя итоги, авторы резюмировали, что ситуация такова, что «Польша, поддерживаемая своими военными союзами, достаточно защищена либо от России, либо от Германии по отдельности, либо в составе коалиции» [18, р. 160–162]. Через несколько дней глава военного ведомства Д. Хог представил Кабинету меморандум в связи с обсуждением на международном уровне вопроса об ограничении и сокращении вооружений. Он изложил следующую позицию: Германия не собирается придерживаться соглашений типа пакта Бриана–Келлога, она не скрывает намерения избавиться от Версальского договора, следующей ее политической целью станет «исправление» польского коридора, изменение восточных границ, которые она считает несправедливыми, позже, возможно, и западных [17, р. 263–265].

Таким образом осенью 1932 года в британском военном ведомстве существовала оценка Польши, как государства, чьи вооруженные силы и военные союзы позволяли обеспечить защиту имеющихся у него территорий, а также не настроенного на новые территориальные приобретения. При этом положение ее абсолютно стабильным не представлялось ввиду ревизионистской позиции Германии.

Подобные оценки давали и отдельные политики, ближе знакомые с польскими проблемами в силу прошлого опыта своей деятельности. Например, в конце осени 1932 года советский посол И.М. Майский во время визитов к британским политикам встречался с Д. Ллойд Джорджем, который в ответ на заявление посла, что пятилетка будет успешной, если не будет войны, ответил, что никто не собирается воевать с СССР. «Французский солдат, пожалуй, еще выступит против немца, но воевать за Польшу? С какой стати? <...> Кто же еще вам может грозить? Польша? Но что она в состоянии сделать одна, да еще в обстановке отчаянных внутренних трудностей? К тому же Польша сейчас гораздо больше опасается столкновения с Германией, чем с вами» [19, с. 177].

12 декабря 1932 года была принята резолюция о равенстве прав в вооружениях, в том числе для Германии, декларировавшая обеспечение безопасности для всех стран Европы [20, р. 447]. Эта уступка в пользу требований Германии была направлена на достижение

цели по возобновлению работы конференции и означала для Польши рост риска потенциальной угрозы.

Заключение. В 1932 году британские дипломаты рассматривали Польшу как государство, чье международное положение связано с рядом острых политических проблем, вызванных неудовлетворением ее соседей итогами территориального размежевания с польским государством: проблема Силезии, польского коридора, польско-советского размежевания, статуса Вильнюсского региона.

Во время первой фазы Женевской конференции по оценкам британских дипломатов и военных наиболее остро стоял вопрос германо-польских отношений. Это было связано со стремлением Германии к ревизии ее восточных границ и подготовкой к варианту ее силового решения. На текущий момент военный потенциал Польши и наличие у нее военных союзников оценивались как достаточные условия для защиты ее территорий, однако требуемое Германией увеличение вооружений могло изменить расстановку сил в центрально-восточноевропейском регионе.

Ведение переговоров на площадке Женевской конференции рассматривалось как возможность не допустить бесконтрольное вооружение Германии и обострение ее отношений с Францией, потому предотвращение срыва конференции из-за отказа немецкого правительства от переговоров было целью британской дипломатии. В этом аспекте Польша выступала в роли фактора, затрудняющего достижение названной цели. Снижение влияния этого фактора осложнялось союзнической ролью Польши по отношению к Франции, что не позволяло Великобритании самолично эффективно оказывать давление на польское правительство. Разрабатывалась формула преодоления влияния польского фактора путем ограничения непосредственных участников переговоров на Конференции, что позволило бы добиться удовлетворения некоторых требований Германии, содержащих потенциальные риски для сохранения целостности текущей территории Польши.

Литература

1. Вершинин, А.А. Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции Версальской системы международных отношений в 1930-е гг. / А.А. Вершинин // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – № 15(2). – С. 108–140.
2. Дубровко, Е.Н. Английская «политика умиротворения» в исследованиях российских историков 2010-х годов / Е.Н. Дубровко // Гісторія Гомельшчыны ў кантэксте падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў (да 75-годдзя Вялікай Перамогі): зб. навук. арт. / Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны; рэдкал.: М.М. Мязга (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. – С. 11–16.
3. Kitching, C.J. Britain and the Problem of International Disarmament 1919–1934 / C.J. Kitching. – London & New York: Routledge, 2003. – 232 p.
4. Davies, T.R. France and the World Disarmament Conference of 1932–34 / T.R. Davies // Diplomacy & Statecraft. – 2004. – Vol. 15, № 4. – P. 765–780.
5. Fleming, N.C. Cabinet Government, British Imperial Security, and the World Disarmament Conference, 1932–1934 / N.C. Fleming // War in History. – 2011. – Vol. 18, no. 1. – P. 62–84.
6. Nowak-Kiełbikowa, M. Polska – Wielka Brytania w dobie zabiegów o zbiorowe bezpieczeństwo w Europie 1923–1937 / M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1989. – 587 s.
7. Jeziorny, D. Dyplomacja brytyjska wobec koncepcji paktu wschodniego (1933–1935) / D. Jeziorny. – Łódź: Wyd-wo Uniw. Łódzkiego, 2011. – 635 s.
8. Cabinet Papers Nos. 1 (32) to 50 (32) dated 1.1.32 to 27.1.32. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-227.pdf (date of access: 24.10.2024).
9. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 558. Оп. 11. Д. 431.
10. Сборник документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению Признание Маньчжоу-Го и др. / под ред. К.В. Антонова. – М.: Издание НКВД, 1933. – 200 с.
11. Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Conference Documents / League of Nations. – Vol. 1. – Geneva, 1932. – 281 p.
12. Temperley, A.C. The whispering gallery of Europe / A.C. Temperley. – London: Collins, 1938. – 259 p.
13. Cabinet Papers Nos. 101 (32) to 150 (32) dated 14.3.32 to 4.5.32. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-229.pdf (date of access: 24.10.2024).
14. Cabinet Papers Nos. 151 (32) to 200 (32) dated 4.5.32 to 9.6.32. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-230.pdf (date of access: 24.10.2024).
15. Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E.L. Woodward. – London, 1958. – Vol. 7. – 808 p.
16. Cabinet Papers Nos. 301 (32) to 350 (32) dated 13.9.32 to 15.10.32. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-233.pdf (date of access: 24.10.2024).
17. Conclusions of meetings of the Cabinet. June 30 – November 9, 1932 – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-72.pdf (date of access: 24.10.2024).
18. Cabinet Papers Nos. 351 (32) to 400 (32) dated 20.10.32 to 22.11.32. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-234.pdf (date of access: 24.10.2024).
19. Майский, И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. / И.М. Майский. – М.: Изд-во «Наука», 1971. – 712 с.
20. Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Conference Documents / League of Nations. – Vol. 2. – Geneva, 1935. – 736 p.

Поступила в редакцию 11.09.2024